

УДК 82+821.161.1

ОБРАЗЫ ВАМПИРОВ В ПОВЕСТЯХ В.И. ДАЛЯ И А.К. ТОЛСТОГО В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКОГО РОМАНТИЗМА

Никольский Е.В.

В статье рассмотрена трактовка образа упыря-вампира в творчестве Даля и А.К. Толстого, произведено сопоставление этой тематики с произведениями европейских романтиков. Делается вывод о важности нравственной проблематики в анализируемых произведениях.

Ключевые слова: вампиры, романтизм, фольклор, нравственные проблемы литературы, межлитературные связи.

IMAGES OF VAMPIRES IN STORIES BY V.I. DAL AND A.K. TOLSTOY IN THE CONTEXT OF EUROPEAN ROMANTICISM

Nikolsky E.V.

The article considers the interpretation of an image of a vampire in Dahl and Tolstoy's works. The author of the article makes comparison with the works written on the same topic by European romantics. In conclusion the article reveals the importance of moral issues analyzed in the works.

Keywords: vampires, romance, folklore, moral problems of literature, literary connections.

Вампир – один из древних мифологических персонажей, к которым активно обращались и фольклор, и художественная литература. Для большинства людей вампир, весьма популярный сегодня персонаж, ассоциируется с образом, созданным именно романтической литературой.

Вампир широко представлен в фольклоре различных народов. А само слово «вампир» пришло к нам из немецкого языка, где оно бытует в форме «Vampir». Есть версия, что это слово славянского происхождения. Оно встречается в аналогичных формах в русском, польском, чешском, сербском языках, сосуществуя с такими вариантами, как болгарское слово «въпир»,

украинское «упирь», белорусское «упір», словацкое «upir», древнерусское «упирь» [7].

В качестве одного из возможных вариантов происхождения слова «вампир» можно взять турецкое слово «uber» – «ведьма». Еще один вариант, но менее вероятный — образование от корня pi- (пи-) – «пить» при помощи приставки va- (ва-) или au- (ав-). От корня pi- образовалось древнегреческое «пью». Термин «вампир» именно в этой его форме – «vampir» (южнорусское «upuir», «upir» исследователи до сих пор ассоциировали с литовским «wempti» = «пить» и «wempti», «wampiti» = «рычать», «ворчать») и выводили его из корня pi- (пить) с префиксом u = av, va.

Общеславянская форма (отражённая в древнерусском имени собственном Упырь) делится на приставку (более древняя форма – *on-/an-) и корень *pi-/rug-. Приставку можно сравнить с греческим ana (наверху), а корень – тот же, что в переть, напор, а также перо и парить. Он означал «подниматься, идти; лететь». Иными словами, упырь – «поднимающийся вверх», то есть встающий из могилы.

Миф о вампирах, в том виде, в котором он стал известен в европейской культуре к XVII веку, появился из славянского фольклора, где вампирами были существа, убивающие людей путём выпивания их крови, либо через удушение. Вампир мог быть уничтожен, если ему отрезать голову, вонзить осиновый кол в его сердце и сжечь труп. По наблюдениям и догадкам Л.Н. Гумилёва, образ упырей и вампиров возникают на стыке православного и католического миров в постренессансную эпоху в связи с распространением католичества в восточной Европе: ведь по латинскому обряду причастие подавалось только под видом хлеба, верующие не причащались Христовой кровью. Отсюда в народном, полуязыческом сознании утвердилось представление о том, что появляются существа, которые за счет человеческой крови компенсируют недостаток в таинстве причастия.

До конца XVIII века вампиры в сознании европейских людей представлялись как ужасные монстры, вышедшие из могилы. Вампирами

обычно становились самоубийцы, преступники или злые колдуны, хотя в некоторых случаях ставший вампиром «грешник» мог передать свой вампиризм невинным жертвам. Однако иногда вампиром могла стать и жертва жестокой, несвоевременной или насильственной смерти. Большинство верований в вампиров и европейские представления о них имеют славянское происхождение. Широко представленный в фольклоре, в народных верованиях, образ вампира с XVII века начал глубоко интересовать образованных людей, и в начале XIX века стал чрезвычайно популярен в художественной литературе. Огромную роль в этом сыграли писатели-романтики. Образ пьющего кровь таинственного демонического существа встречается в различных романтических литературах – в английской, французской, русской, литературах других славянских стран.

Как уже говорилось выше, вампир – это существо, высасывающее чужую кровь, чаще всего - оживший мертвец. В словаре Даля находим: «Вампир м. ... кровосос, упырь; последнее название в Малороссии (и в южных славянских землях) придается сказочному оборотню, который по смерти летает кровососом, загрызая людей; ведмак» [1, с. 234].

Энциклопедия «Мифы народов мира» говорит: «Вампир, в низшей мифологии народов Европы мертвец, по ночам встающий из могилы или являющийся в облике летучей мыши, сосущей кровь у спящих людей, насылающий кошмары. Вампирами становились «нечистые» покойники – преступники, самоубийцы, умершие преждевременной смертью и погибшие от укусов вампиров...» [4, с. 212].

От персоны вампира следует отличать вампиризм, который является сложным психологическим феноменом, это «высасывание» жизни, жизненной силы у другого человека. Это насильственное присвоение чужой воли. Это жестокое «владение» чужой душой, своего рода гипноз. Жертвы вампиризма при этом могут испытывать слабость, чувство тревоги, видеть дурные сны, и это, в конце концов, нередко приводит к смерти.

То, что образ вампира и мотив вампиризма неоднократно встречались в классической литературе, особенно романтической, приобрел большую популярность в современной массовой культуре, обуславливает актуальность данной темы. Однако особый характер данная тема приобретает в европейском романтизме. В 1797 году публикуется поэма Гёте «Коринфская невеста», в которой также, но уже вполне серьезно, даже трагично развивается мотив вампиризма. В поэме рассказывается история молодой женщины из семьи, принявшей христианство, которая вернулась из могилы, чтобы разыскать юношу-язычника, с которым она при жизни была обручена. Из текста поэмы становится неясно, как она стала вампиром. В поэме Гете в образе девушки-вампира передает ощущение таинственного, потустороннего, губительного мира, который вторгается в жизнь.

В конце XVIII века мотив вампиризма активно развивается в английской романтической литературе, а также французской, несколько позже – русской и в романтизме других славянских стран.

Можно утверждать, что романтики "реанимировали" вампира. При этом наиболее интенсивным был интерес к вампиру и вампиризму у поздних романтиков. Связано это с тем, что поздние романтики болезненно остро ощущают царящее в мире зло. Усиливается трагический аспект их мирозерцания. В связи с характерной для них мистификацией действительности, зло в их произведениях приобретает фантастические формы. Появляется мрачная ночная фантастика, и в художественные произведения часто вторгается образ вампира. При этом романтики активно опираются на мифологические представления, фольклорные сюжеты, черпая в них богатый материал для своих произведений. Романтизм научился ценить отечественное культурное достояние и обратился к творчеству народа как источнику эстетических ценностей, как к творческому праисточнику. В фольклорных сюжетах и образах романтики искали и находили то, что помогало им ярче представить многие явления современной им жизни.

Как уже говорилось, тема вампиризма была характерна для многих национальных литератур эпохи романтизма и для самых разных писателей. Но наиболее определённо вхождение этой темы в романтический мир связывается с именами английских романтиков, прежде всего Дж. Г. Байрона и Д.У. Полидори.

Одним из основоположников, родоначальников этой темы можно считать Полидори. Его повесть «Вампир» стала широко известна и приобрела большой успех сразу же после своего опубликования. Русский перевод появился в 1828 году и оказал немалое влияние на развитие темы вампира в русской литературе.

Специально отметим, что в английской романтической литературе о вампирах намечается несколько направлений в развитии этой темы. В одних случаях вампир предстаёт как зловещее демоническое существо, несущее гибель окружающим людям и наслаждающееся ею. В этом образе романтики видели угрозу всему доброму и прекрасному и обобщали разрушительные тенденции своей современности.

В других случаях (у Байрона) в образе вампира выражались глубочайшие противоречия и страдания духовного мира личности. Герои становятся вампирами в результате роковых случайностей или предначертаний судьбы, они обречены творить зло и приносить боль и гибель другим людям, но они сами страдают от этого, их зло невольное.

И, наконец, третий путь, намеченный Китсом, это преобразование вампира любовью, отказ от злых действий и принесение себя в жертву.

Таким образом, в английском романтизме возникли те мотивы и те направления в раскрытии темы вампиризма, которые сливаясь, переплетаясь и изменяясь, присутствуют в современной литературе. В произведениях Байрона, Полидори и других английских писателей-романтиков была заложена традиция изображения вампира и раскрытие темы вампиризма, которая вошла в сознание последующих писателей, была подхвачена и развита в литературе других стран, в том числе и русской.

Упырь приблизительно соответствует вампиру в европейской мифологии и имеет много общего с вурдалаком в восточнославянской традиции, однако еще в XIX веке в народном сознании персонажи эти чётко дифференцировались. Ниже мы рассмотрим специфику упырства в его отличии от сугубо европейского вампиризма, а пока отметим, что оба явления носят типологически сходный характер.

Мотивы вампиризма звучат в произведениях А.С. Пушкина, И.С. Тургенева, А.К. Толстого, В.И. Даля.

Мотив вурдалака у А.С. Пушкина был навеян книгой Проспера Мериме, который в своем творчестве неоднократно обращался к теме вампиризма. В отечественной филологии отмечалось, что книга Мериме «Гюзла, или Сборник иллирийских песен, записанных в Далмации, Боснии, Хорватии и Герцеговине» легла в основу цикла «Песни западных славян» [3]. Песни, якобы собранные в славянских селах и переведенные им на французский язык, были сочинены самим Мериме, рассказ о поездках, подробности возникновения и записи той или иной песни – вымышлены. Научнообразный вид придавали изданию многочисленные примечания к песням, справки исторического, этнографического и лингвистического характера.

Мистификация была столь удачна, что восхищенные читатели не заметили подделки. Восторженная рецензия появилась и в петербургском журнале. По-видимому, вначале 1828 года ознакомился с «Гюзлой» и Пушкин. Однако уже в 1828 году, т.е. через год после выхода «Гюзлы», распространился слух о подделке. Сообщения о фальсификации славянских песен в «Гюзле» появились в русской печати. Совершенно точных доказательств все же не было, и Пушкин, как он сам сообщил в предисловии к своему циклу, заинтересовался, на чем основано изобретение странных сих песен, и попросил С.А. Соболевского обратиться за разъяснениями непосредственно к Мериме. Последний написал в ответ письмо, где признавался в мистификации и подчеркивал шуточный ее характер, предлагая рассматривать ее как литературное озорство.

В стихотворении «Вурдалак» Пушкин обращается к мифологическим славянским верованиям о страшных существах, которые ночью превращаются в волков и охотятся за людьми. Автор красочно описывает испуг человека, который проходил мимо кладбища ночью: испугавшись возможного нападения вурдалака, он собирался съесть горсть могильной земли, что согласно приданию, должно было уберечь человека от этого существа. И в конце, когда мужчина увидел собаку, он совсем не успокоился, а наоборот – был разочарован тем, что не увидел настоящего вурдалака.

«Вурдалак», в сущности, изящно пародирует схему фантастической повести с реальной развязкой. Место действия – кладбище, время – позднее, герой охвачен страхом. Он слышит звуки, которые принимаются им за проявление нечистой силы. Герой приходит в ужас, но тут обнаруживается, что испугавшие его звуки имеют вполне реальное происхождение: перед ним не вурдалак, а собака. Этот сюжет вполне годится для фантастической повести, каких много было в русской прозе 1820-1830-х годов. Пародийный смысл придает стихотворению не реальная развязка, а общий иронический тон. Здесь нет ни тени «страшного», решительно нет атмосферы «чудесного», которую с большим или меньшим успехом пытались создать авторы фантастических повестей.

Итак, само слово «вурдалак», как синоним вампира, очевидно, появилось в русском литературном языке благодаря стихотворению А.С. Пушкина «Вурдалак», написанному в 1836 году как «песня западных славян».

Так, А. С. Пушкин пишет о том, что нужно сделать, чтобы спастись от упыря:

*Съест упырь меня совсем,
Если сам земли могильной
Я с молитвою не съем [5, с. 25].*

Сам термин является искажённо переданным южнославянским словом «волколак, вурколак», обозначающим у славян оборотня. Вурдалаками у славянских народов называют мертвецов, вышедших из могил, чтобы сосать

кровь живых людей, но у них есть отличие от вампиров: они сосут кровь предпочтительно у самых близких родственников и лучших своих друзей.

Этот неологизм получил широкое распространение также благодаря А.К. Толстому, который в юности он отдал дань фантастике; в его первом рассказе, «Семья вурдалака» («*La famille du vourdalak*») описывается нашествие вампиров; произведение было навеяно романтической литературой и с точки зрения современного читателя напоминает голливудские триллеры. Рассказ был написан в 1838 году на французском языке, и был опубликован посмертно в «Русском вестнике» (№ 1, 1884) в переводе Б. Маркевича.

«Семья вурдалака» Алексея Константиновича Толстого – своего рода классика мистического жанра, повесть, в которой старый маркиз д'Юфре рассказывает о самом жутком в своей жизни приключении. Повествование ведется от первого лица и взаимосвязано действующими персонажами с рассказом «Встреча через триста лет».

Произведение несколько раз экранизировалось: 1) в 1963 году сюжет рассказа послужил основой для киноновеллы «*I Wurdulak*», одной из трёх новелл фильма «*I Tre volti della paura*» («Три лица страха» – Италия – Франция – США; в американском прокате – «*Black Sabbath*»), режиссёр Марио Бава, в одной из главных ролей – знаменитый Борис Карлофф; 2) вновь в Италии по мотивам рассказа был снят фильм «*La notte dei diavoli*» (1972) (события происходят в 70-х гг. XX века); 3) в Испании одна из серий телесериала «*El quinto jinete*» – называется «*La familia Vourdalak*» (1975); 4) в СССР сняты фильмы «Семья вурдалаков» (1990, реж. Г. Климов и И. Шавлак; действие перенесено в конец XX века) и «Папа, умер Дед Мороз» (1991, реж. Е. Юфит, В. Маслов; авангардная трактовка в стиле «некрореализма», имеющая мало общего с первоисточником).

Историю в повести «Семья вурдалака» рассказывает старый аристократ, господин д'Юфре, один из членов дипломатического конгресса, состоявшегося в Вене в 1815 году. Вечером у камина он поведал собравшейся компании подлинный случай, который произошел с ним во времена его молодости, в 1759

году, когда по делам дипломатической службы он отправился к господарю в Молдавию. По дороге в Яссы, он остановился в небольшой деревне и был поселен в доме местного крестьянина. Глава дома старик Горча, человек нрава беспокойного и неуступчивого, отправился в горы с другими смельчаками на поиски разбойника-турка Алибека, а своим двум сыновьям Георгию и Петру строго наказал, что ежели он не вернется через десять дней, то можно считать его убитым, но ежели он вернется позднее указанного срока, то ради своего же спасения, они не должны впускать Горчу в дом. Надо забыть, что он их отец, и что бы он ни говорил, вбить осиновый кол ему в сердце, ибо он тогда будет уже не человек.

В день, когда сюда приехал д'Юфре, как раз истекал отпущенный Горчей срок. Десять дней назад старик ушел ровно в восемь часов вечера, а сегодня именно в то же самое время он появился на дороге. Так что неясно было – истек ли срок, или еще нет. В общем, за те дни пока в этом доме гостил д'Юфре, случилась страшная трагедия: умер старший сын Георгия, который уже давно подозревал в старике вурдалака. А затем д'Юфре отправился выполнять поручение, но через полгода, возвращаясь из Ясс, он вновь заехал в ту деревню. Но она уже была пуста и безлюдна, и здесь маркиз д'Юфре испытал самое жуткое в своей жизни приключение. Он чуть было не оказался в лапах толп вампиров, среди которых была и вся родня Горчи, и другие крестьянские семьи. Молодой д'Юфре спасся только благодаря быстроте своего коня, собственному мужеству и счастливому провидению. Но он и доныне содрогается от мысли, что если бы враги тогда одолели его, то и он также стал бы вурдалаком.

Рассказ легко читается. Он будет интересен любителям мистики. Повествование в виде воспоминаний, дабы создать атмосферу правдоподобности. История довольно интересна. В ней тема кровожадных вампиров переплетается с любовными переживаниями. Да, не столь проникновенно, как современные «Сумерки», но для XIX века вполне достойное произведение. Хотя для нас, избалованных мистикой и ужасами кинематографа, рассказ вряд ли покажется страшным. В рассказе происшествие

с вурдалаками трактуется как вполне реальный случай, при этом подчеркивается их инфернальность. Все представители несчастного семейства со страхом удаляются от предметов религиозного культа. И противодействие вампирам возможно только через христианскую веру, эта мысль имплицитно озвучивается в произведении.

Завершив «Семью вурдалака», граф А.К. Толстой с вампирами не распрощался. В 1841 году под псевдонимом Краснорогский вышла высоко оцененная критиками его повесть «Упырь». Это было первое опубликованное произведение писателя. Из него мы узнаем о происхождении слова упырь, о привычках этой нежити, о том, как её распознать. Один из персонажей рассказа «Упырь» (Рыбаренко) говорит: «Вы их, Бог знает почему, называете вампирами, но я могу вас уверить, что им настоящее русское название: упырь; а так как они происхождения чисто славянского, хотя встречаются во всей Европе и Азии, то и неосновательно придерживаться имени, исковерканного венгерскими монахами, которые вздумали, было все переворачивать на латинский лад и из упыря сделали вампира...» [6, с. 5].

Сюжет вращается вокруг дворянина Александра Андреевича Руневского, который во время бала знакомится с несколькими людьми – господином Рыбаренко, бригадиршей Сугробиной и ее внучкой Дашенькой. Рыбаренко рассказывает ему страшную историю о том, что вокруг много упырей и утверждает, что лично был на похоронах некоторых из присутствующих. Этот же незнакомец позднее рассказывает главному герою историю, произошедшую с ним в Италии. События преподносятся таким образом, чтобы читатель сам решил, в самом ли деле присутствующие на бале – упыри или же это плод помешательства протагониста. «Упырь» был написан частично под влиянием повести «Вампир» Джона Уильяма Полидори. Источником вдохновения для повести были воспоминания Толстого о его пребывании в итальянском городе Комо в 1838 году. Сам граф писал об этом жене в апреле 1872 года, отмечая виллу Ремонди, девушку по имени Пепина и другие детали.

Впервые Толстой прочитал «Упыря» 9 апреля 1841 года у Владимира Соллогуба. В числе слушателей повести были В.А. Жуковский и князь В.Ф. Одоевский. М.Ю. Лермонтов примерно в то же время и в том же кругу читал свой мистический отрывок «Штосс». 11 мая 1841 года Толстой направил рукопись цензору А.В. Никитенко. Через 4 дня он получил разрешение на издание повести. Виссариону Григорьевичу Белинскому произведение понравилось. В «Отечественных записках» он благосклонно писал о молодом авторе, отмечая, что тот носит на себе все признаки ещё слишком молодого, но, тем не менее, замечательного дарования, которое нечто обещает в будущем. В 1890 году повесть была переиздана с предисловием философа Владимира Соловьёва. Мыслитель сделал акцент на художественных достоинствах произведения, которое в левых кругах было принято рассматривать в качестве сатиры на светское общество, где «приняты» и пользуются уважением выходцы с того света.

Толстовский «Упырь» продолжил ставшую традиционной для европейской литературы тему про упырей-вампинов. Произведение характеризуется не только обычной для графа А.К. Толстого тщательной выверенностью лихо закрученного сюжета, но и нехарактерной для того времени точностью в описании упырей. Западные современники А.К. Толстого, писавшие о вампирах не брезговали разнообразными, зачастую нарочито физиологическими, фантазиями в описаниях кровососов (вплоть до появления «Графа Дракулы» Брэма Стокера).

Классическим, при этом легко читаемым, языком написана эта horror story XIX столетия. Запутанный сюжет, рассказ в рассказе, загадки, неожиданно раскрывающиеся в конце и мрачный осадок, несмотря на сравнительно хороший финал – всё это не может оставить равнодушным даже самого скептически настроенного читателя. Автор погружает в атмосферу дворянских усадеб, где интриги и страшные родовые проклятия органично переплетаются в этом произведении классика. «Упырь» – одно из самых загадочных и таинственных отечественных литературных произведений. Повесть насыщена

увлекательными историями, которые излагают разные рассказчики. В этом плане повесть сложна для понимания. Сюжет напоминает русскую матрешку, одна история вкладывается в другую, а в неё третья. Казалось бы, истории эти абсолютно не связаны между собой, люди абсолютно разные. Но в конце повествования все складывается воедино и многое проясняется. Таким образом, интрига сохраняется на протяжении всего сюжета. Акцент сделан на сатиру светского общества, в котором в то время были модны подобные истории, люди всерьез увлекались мистикой. В повести мы можем познать школу злословия на светских приемах, обмана, личной выгоды. И все это окутано чудесными мистическими легендами, которые придают произведению особую атмосферу. И конечно, не обошлось здесь и без любви. Раневский и Даша проходят нелегкие испытания прежде, чем быть вместе.

А.К. Толстой в своём «Упыре» хотя и отдает дань некоторыми господствовавшим в то время представлениям относительно упырей, тем не менее, в целом объективно, с поразительной точностью, описывает этих опасных созданий. В частности, едва ли не впервые в упыристикевампиристике было высказано не просто предположение, и, как мы уже отмечали выше, но убеждение в том, что европейский вампир – выходец из восточнославянских земель, что вампир и упырь это, по сути, одно и то же.

Итак, согласно поверьям, легшим в основу толстовской повести, упырь – «заложный» покойник, чаще всего умерший колдун, он встает по ночам из могилы и поедает людей или высасывает из них кровь. Он нападает и на скотину, наносит ущерб хозяйству. Упоминания об упырях встречаются и в древнерусских источниках начиная с XIV века, но в них сообщается лишь о жертвах («требах»), которые приносили язычники «упырям и берегиням». Наиболее сильна вера в упырей на (в) Украине, на Русском Севере поверий об упырях гораздо меньше. Украинцы верили и в живых упырей – тех, чья душа могла временно покидать тело и вредить людям. Такие упыри прячут душу под камень и, пока она там, не могут умереть. Верили и в то, что живой упырь

носит на плечах мертвого, потому что тот не может самостоятельно ходить по земле и, значит, без живого не опасен.

Восточнославянские поверья об упырях во многом напоминают общеевропейские представления о вампирах, но и отличаются от них рядом существенных признаков. По народным поверьям, упырями становились люди, умершие «неестественной смертью» – насильственно убиенные, спившиеся пьяницы, самоубийцы и т.п., а также колдуны. Упыри, согласно народной мифологии, живут на кладбищах, разрывают могилы и поедают трупы, и нападают на все живое, до чего могут дотянуться. Особенно опасны упыри для новорожденных и лиц, готовящихся к вступлению в брак.

Именно такая ситуация и описана в рассказе В.И. Даля «Упырь» (1861), который напоминает страшные сказки о мертвецах. Произведение, помимо всего прочего, отличается и ярким украинским колоритом. Да сам рассказ предваряет подзаголовок «украинское предание». Отметим, что у Даля, так же, как и у А.К. Толстого, нет кроваво-физиологической детализации при описании вампира.

Упырь у Даля – статный красавец, насмерть влюбивший в себя юную деву, но он далеко не так благороден, как валашский коллега в некоторых экранизациях... Сельская красавица Маруся всегда была на первых ролях во время праздников, она пренебрегала любовью простого паренька Михалка. Во время одной из вечеринок она встречает красивого незнакомца, отказывающегося назвать свое имя и представляющего богатым дворянином. Маруся влюбляется в него, по совету матери, она ночью наблюдает за ним, но теряет его след на кладбище. Дважды между ними происходит следующий диалог:

«Он остановился, спросил опять:

– Пойдешь за меня?

Ей нечего больше говорить, отвечает:

– Пойду.

– А была ты вчера ночью на погосте?

– Нет, не была.

– А видала там что-нибудь?

– Нет, не видала ничего.

– За это завтра твой отец умрет, – сказал он и пошел» [2, с. 158].

Вообще, легенда, изящно изложенная писателем и лексикографом, леденит кровь, она почти готическая, вот только слова назидания в конце несколько смягчают общее впечатление и поясняют, почему данные события могли произойти в жизни главной героини.

Итак, в течение трех дней умирают родители Маруси и она сама. На могилке девушки вырастает цветок, который её несостоявшийся жених пересаживает возле своего дома. «Вдруг белые лепестки в головке цвета зашевелились, цветок опал и из него медленно поднялась, как в тумане, рослая статная девушка... Туман прояснился, и Михалка, не утерпев, вскочил и робко сказал: "Маруся!" ...Сколько ни дивовались люди, что Маруся жива, а, поглядев на нее, надо было поневоле поверить. Недолго откладывая дела, сыграна была свадьба, и, говорят, не было на свете другой такой дружной и любовной четы, как добрый Михалка и красавица Маруся. Не надейтесь, однако ж, девушки, на цветок этот: не любите чужих парней без ума и не обманывайте, не облыгайте никого!» [2, с. 167].

В финале, В.И. Даль показывает, что главная героиня Маруся, под влиянием трагической смерти отца и матери, произошедшими по вине упыря, следуя советам слепой бабушки, переосмысляет свою жизнь. Она отказывается от тщеславия, от стремления, во что бы то ни стало производить впечатление на окружающих, подпитываться от них энергией, то есть проявлять черты психологического вампиризма. Девушка обретает счастье с Михалком, сельским парубком, испытывавшем к ней чувство горячей, но не разделенной любви. В супружестве она получает спасение от козней inferнального красавца-упыря. Высокая духовность и нравственность – вот самое надёжное оружие против живых мертвецов. Таков итог небольшого далевского рассказа. Итак, вместо привычных рассказов о призраках и нечисти, здесь мы наблюдаем

любопытные заметки этнографа. Упырь у Даля проходящий персонаж, но за то с какой любовью расписываются где-то привычки, где-то обычаи или природа, наблюдаемых мест.

В произведениях В.И. Даля и А.К. Толстого упыри лишены психологической и нравственной проблематики, для них невозможен путь к духовному преображению и исцелению, они представлены как демонические личности, несущие зло и гибель своим жертвам. Однако для лиц, сталкивающихся с ними, возможен путь к нравственному развитию, или хотя нивелированию вреда от нежити. Помимо европейской традиции, у этих авторов мы наблюдаем более сильную опору на славянское фольклорное начало. В современной же литературе тема вампиризма переживает второе рождение, хотя очень часто переосмысливается под влиянием новых реалий и представлений. Но следует не забывать, что её истоки, сложные, многозначные трактовки, философско-психологическое и, несомненно, нравственное решение, а также возможность связать её с универсальной проблематикой, лежат в творчестве английских, французских, русских и украинских романтиков.

Список литературы:

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 2010.
2. Даль В.И. Упырь. СПб., 2010.
3. Елизарова М.Е. Мериме и Пушкин. «Гюзла» и «Песни западных славян» // Уч. зап. МГПИ, каф. истории всеобщ, лит. М., 1938. Вып. 4. С. 234-145.
4. Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 1. М., 1987.
5. Пушкин А.С. Песни западных славян – Вурдалак // Библиотека для чтения. 1835. Т. IX. Март. Отд. I. С. 25-26.
6. Толстой А. К. Князь Серебряный. Упырь. Семья вурдалака. М., 2001.

7. Фасмер М. Этимология слова упырь [Электронный ресурс] // Этимологический онлайн-словарь русского языка Макса Фасмера. 2015. URL: <http://goo.gl/YaeU6v> (дата обращения: 01.11.2015).

Сведения об авторе:

Никольский Евгений Владимирович – доктор филологических наук, член-корреспондент Российской Академии Естествознания, профессор, Ученый секретарь Научно-экспертного совета Института современных гуманитарных исследований (Москва, Россия).

Data about the author:

Nikolsky Evgeny Vladimirovich – Doctor of Philological Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural History, Professor, Scientific Secretary of Scientific expert Council, Institute of Modern Humanitarian Researches (Moscow, Russia).

E-mail: Eugenius-08@yandex.ru.